

Современная хроника Россіи // Отечественныя
Записки. 1861. № 5. С. 19-23.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

Петербургская погода и ея вліяніе на Современную Хронику.—Послѣднія извѣстія изъ губерній и изъ Варшавы. — Опроверженіе ложныхъ извѣстій о кievскихъ студентахъ. — Прощаніе Н. И. Пирогова съ кievскимъ учебнымъ округомъ, съ кievскимъ обществомъ и съ гражданскою дѣятельностью. — Рѣчь Пирогова и мысли, внушаемыя ею.—Аскоченскій вооружаетъ противъ себя весь московскій университетъ. — Еврейскій журналъ «Разсвѣтъ» объявляетъ, что дни его сочтены.—Перемѣны въ администраціи.—Медаль за труды по крестьянскому дѣлу. — Судебные слѣдователи избираются изъ лицъ, бывшихъ подъ судомъ. — Нѣсколько словъ о подсудности.—Избраніе судебныхъ слѣдователей въ Нижнемъ Новгородѣ. — Рѣчь къ судебнымъ слѣдователямъ московскаго прокурора Равинскаго. — Приказъ московскаго обер-полицеймейстера о дѣйствіи слѣдователей.—Судебные слѣдователи и мировые посредники въ литературѣ.—Мнѣніе наше о слѣдственномъ дѣлѣ: *что такое свѣстунъ?* —Качества, требуемыя для должности мирового посредника. — Потребность мировыхъ посредниковъ въ акціонерныхъ обществахъ.—Новая борьба въ русскомъ обществѣ пароходства. — Прекращеніе работъ на еодоссійской желѣзной дорогѣ.—Веселыя новости: письмо князя Юрія Оболенскаго, эпюлеты для военныхъ медиковъ.—Письмо адъютанта Арсеньева въ «Морскомъ Сборникѣ» и мысли, имъ возбуждаемыя. — Печальныя свѣдѣнія, сообщенныя въ «Сѣверной Пчелѣ» по крестьянскому дѣлу. — Замѣтка.

Петербургская погода, служившая нѣкогда неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія для русскихъ публицистовъ, снова вступаетъ въ свои литературныя права, снова грозитъ развести наши фельетоны и обзорѣнія мутною водичею, въ такомъ изобиліи падающею съ петербургскаго пасмурнаго неба. Никогда еще весна такъ не обманывала насъ, какъ теперь. По календарю уже конецъ апрѣля, а солнце, которое такъ улыбалось намъ еще въ мартѣ, не хочетъ теперь выходить на свѣтъ божій и все болѣе-и-болѣе закутывается въ мутныя и холодныя тучи. Дождь постоянно смѣняется свѣгомъ; на дворѣ настоящая русская сиверка—словомъ, апрѣль, явившійся на Западѣ такимъ агненкомъ, у насъ обернулся сѣрымъ волкомъ.

Много въ апрѣлѣ воды утекло, много произошло событій, съ которыми слѣдовало бы познакомить нашихъ читателей; но таково вліяніе холодной погоды, что не хочется ни о чемъ говорить: кровь

нія ихъ составителя, безпрестанное намѣненіе сегодня того, что было издано вчера—появленіе цѣлѣхъ тѣмовъ положеній и уставовъ, сочиненныхъ въ глубокой тайнѣ и часто безъ всякой необходимости—все это возбуждало естественное недовѣріе со стороны общества въ дѣлу правительства, а невозможность *имѣть какое-либо сужденіе* объ этомъ дѣлѣ обратило недовѣріе это въ совершенное равнодушіе, при которомъ всякое узаконеніе, почти при самомъ изданіи его, обращается въ мертвую букву. И лишь съ недавняго времени начали дѣйствовать другимъ путемъ...»

Послѣ этихъ прекрасныхъ и убѣдительныхъ словъ, напечатанныхъ 19 апрѣля въ журналѣ «Вѣкъ», мы очень были удивлены приказомъ московскаго обер-полиціймейстера того же 19 апрѣля, напечатаннымъ въ «Московск. Вѣдомостяхъ». Въ этомъ приказѣ говорится: «Предсѣдатель московской палаты уголовного суда, при разсмотрѣніи вступающихъ въ палату дѣлъ, замѣтилъ, что гг. *слѣдователи* (?) по уѣздамъ, городамъ и въ столицѣ, въ производимыхъ ими слѣдствіяхъ, не выполняютъ всего того, что требуется «Наказомъ» для судебныхъ слѣдователей, и слѣдствіемъ этого бываетъ то, что свидѣтели, спрошенные безъ присяги, какъ несоставляющіе доказательства, не могутъ служить опорой для обвиненія, хотя преступленіе такъ явно, что въ немъ невозможно даже и сомнѣваться. Изъ этого выходитъ, что тутъ обвиненіе или оправданіе зависитъ не отъ совершеннаго преступникомъ преступленія, но отъ произвола слѣдователя, спросившаго свидѣтелей подъ присягою, или безъ присяги, безъ объясненія причины, почему онъ поступилъ такъ, а не иначе.»

Что жъ это такое? Не-уже-ли такъ дѣйствуютъ уже и новые слѣдователи, то-есть, *судебные*? Къ нимъ ли относится жалоба предсѣдателя уголовной палаты? Не-уже-ли г. Равинскій, потратилъ столько бисера напрасно? Не-уже-ли послѣднія шесть лѣтъ прошли безслѣдно для русской молодѣжи, обрѣтающейся въ гражданской службѣ?...

Нѣтъ, это невозможно. Мы хотимъ еще вѣрить. Вѣдь у насъ только теперь и надежды, что на мировыхъ посредниковъ да на судебныхъ слѣдователей.

— Было время, когда мы надѣялись еще на литературу. Теперь оказывается, что сама она нуждается въ судебныхъ слѣдователяхъ и мировыхъ посредникахъ. Къ чести ея, однако, должно сказать, что судебные слѣдователи въ ней нашлись удовлетворительные. По-крайней-мѣрѣ первые два слѣдственныя дѣла: 1) о *постепенномъ, но быстромъ и повсемѣстномъ распространеніи невѣжества и безграмотности въ російской словесности*, и 2) о томъ, что такое *свистуны*—

произведены весьма-недурно. Первое из этихъ двухъ дѣлъ уже разсматривалось въ прошлой книжкѣ нашего журнала. Что касается до втораго, то мы несомнѣнно согласны съ нѣкоторыми его выводами. Прежде всего, мы не раздѣляемъ того негодованія, которое высказываетъ авторъ статьи по поводу личныхъ нападокъ. Правда, оскорбленіе личной чести—сдѣлано ли оно на улицѣ или въ печати, нанесено ли оно кулакомъ или стихами — одинаково-безчестно. Но, вѣдь, это дѣло личное, частное. Что за бѣда, если, *продеривая* (техническое слово) имена литературныхъ или общественныхъ дѣятелей, они мимоходомъ бросятъ грязью въ доброе имя человѣка, имъ совершенно-незнакомаго (съ знакомыми и пріятелями они этого не сдѣлаютъ)? Стоитъ ли гоняться за такими пустяками? Гдѣ рубятъ деревья, тамъ, говорятъ, и щепки летятъ. Этого могутъ не знать только тѣ господа, которые проходятъ *подготовительный курсъ* человѣческой мудрости; для тѣхъ же, кто обладаетъ *полною суровою истиною*, подобные подвиги — сущая бездѣлица.

Мы съ этимъ согласны, и не понимаемъ, почему «Русскому Вѣстнику» вздумалось стоять за *щетки*. Насъ гораздо-болѣе занимаютъ *деревья*. Пусть бы гг. свистуны оскорбляли лица, сколько ихъ душѣ угодно—мы за этимъ не стоимъ: на Руси это не въ дивовинку, иногда даже выходитъ очень-смѣшно; но когда они бросаютъ грязью въ лучшія человѣческія вѣрованія, когда они осмѣиваютъ всякое благородное увлеченіе; когда они прямо объявляютъ, что весь міръ наполненъ одними негодами и мошенниками, и когда, наконецъ, знаешь, что все это дѣлается изъ одного только фокусничанья и привлеченія почтеннѣйшей публики, тогда мы понимаемъ, какъ далеко можетъ простираться негодованіе и презрѣніе въ подобному художеству. И есть люди, которые простодушню вѣрятъ, что въ этомъ фиглярствѣ скрывается глубокая, недосказанная мудрость! А все потому, что она не досказывается... да, вѣроятно, никогда и не доскажется до конца: мудрость, какъ извѣстно, вещь бездонная, и ее никогда не исчерпать, по-крайней-мѣрѣ, до-тѣхъ-поръ, пока останутся непереверденными на русскій языкъ многія французскія книжки...

А между-тѣмъ, эта мудрость систематически убиваетъ вѣру въ людей, въ ихъ честность и великодушіе, въ ихъ любовь и дружбу, въ возможность безкорыстнаго съ ихъ стороны самопожертвованія... Куда же ведетъ эта мудрость? чего хочетъ, какихъ героевъ приготовляетъ для будущаго? Можно поручиться, что изъ ея школы не выйдетъ ни одного Широгова, а свистуновъ выйдетъ много. Можно быть увѣрену, что она никого не подвинетъ ни на какое общественное дѣло: для

этого требуется вѣра въ человѣка, пламенная вѣра и увлеченіе, а не холодная, бездушная насмѣшка, все разъединяющая и оскорбляющая и способная только подвинуть на бросанье изъ-за угла камешковъ и грязи...

Увѣряютъ, что свистуны служатъ великому дѣлу отрицанія, безъ котораго, какъ извѣстно, нѣтъ движенія впередъ. Это неправда! Не такъ дѣйствуютъ герои отрицанія, которымъ вздумали-было подражать свистуны. Тѣ ненавидятъ многое, потому-что многое любятъ, во многое вѣрятъ, на многое надѣются; они сегодня радуются, завтра рыдаютъ; у нихъ насмѣшка бичуетъ и жжетъ, потому-что идетъ изъ сердца, полного страстной любви къ человѣку и безпредѣльнаго негодованія къ неправдѣ. У нашихъ свистуновъ нѣтъ сердца, нѣтъ вѣры; они считаютъ постыднымъ хоть разъ чѣмъ-нибудь увлечься въ жизни; они никого и ничего не любятъ—они смѣются надъ любовью; они считаютъ обязанностью порицать безъ разбора все, что попадетъ подъ-руку; они занимаются *искусствомъ для искусства*, а не для людей, которыхъ считаютъ по-большей-части мошенниками и идиотами, нуждающимися только въ томъ, чтобъ ихъ хорошо кормили и не сбѣли розгами... Они свергаютъ идоловъ и авторитеты для того только, чтобъ самимъ занять ихъ мѣсто, разжальваютъ литературныхъ генераловъ потому только, что сами хотятъ быть фельдмаршалами...

И, благодаря такой благотворной ихъ дѣятельности, взаимная вражда журналовъ и литературное побоище дошло до того, что потребовались, наконецъ, литературные *мировые посредники*. Въ эту должность изъявилъ желаніе вступить «Свѣточъ»; но, говорятъ, пова это остается однимъ желаніемъ. Гораздо-болѣе способности къ этому званію имѣетъ «Время»; но журналъ этотъ занялъ уже другую, не менѣе почетную должность — должность присяжнаго судьи, безпристрастно-взвѣскающаго приговоры. И то хорошо. «Русскій Вѣстникъ» будетъ, стало-быть, ловить мазуриковъ, а «Время»—судить ихъ. Значитъ, въ литературныхъ судахъ воцарится, наконецъ, правда. Слава Богу! А то мы уже отчаялись, думая, что литература наша никогда не разстанется съ обычаями, завѣщанными ей родительницею — литературою петровскихъ временъ, которую г. Буслаевъ представилъ въ слѣдующихъ рѣзкихъ, но, къ сожалѣнію, справедливыхъ словахъ: «Русская литература, говоритъ онъ, сжавшись въ малыхъ кружкахъ грамотнаго чиновничества, находилась въ униженномъ, подначальномъ состояніи, будучи заправляема, педагогически руководима, поощряема благоволеніемъ или исправляема разными внушеніями, и потому естественно вращалась

въ своемъ тѣсномъ кругу—между заученою фразою и грубыми словцомъ, между уклончивою лестью и задорною сатирою, между обдуманнѣмъ доносомъ и необдуманнѣмъ обличеньемъ. Не находя внутри себя самодовольнаго спокойствія, необходимаго для всякаго художческаго творчества, могла ли такая литература безпристрастно и съ ясностью взгляда относиться къ дѣйствительности? Какъ жеумовъ, оторванный и отъ низшихъ и отъ высшихъ слоевъ русскаго населенія, наша истинная литература или презирала все то, надъ чѣмъ думала господствовать и все народное называла подлымъ, или благоговѣла и боялась того, что было недоступно для ея скромной сферы, и усердно расточала свои напыщенныя, бездушныя фразы на похвальныя и разныя торжественныя оды; а если иногда и принимала на себя тоу благороднаго негодованія, то развѣ на столько, на сколько ей дозволялось, и тогда она, въ своихъ сатирахъ и комедіяхъ, съ радости возлословить, забывала народную пословицу, что *лежащаго не бьютъ...* («Русская Рѣчь» № 34, стр. 1).

— Если въ литературѣ должность мирового посредника и не удалась, то это ни сколько не помѣшаетъ ей осуществиться въ мирѣ гражданскомъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ избранныя лица уже утверждены въ этихъ должностяхъ сенатомъ, и именныя списки ихъ печатаются въ вѣдомостяхъ. Очень-интересно будетъ слѣдить за дѣйствіями мировыхъ посредниковъ въ первое, самое трудное и рѣшительное время. Какъ серьезно смотритъ само правительство на эти должности—видно изъ слѣдующихъ словъ, напечатанныхъ въ «Лѣтописи сельскаго благоустройства» (такъ называется особое прибавленіе къ «Журналу Минстерства Внутреннихъ Дѣлъ»): «Нравственныя качества, требуемыя отъ должности мирового посредника, показываетъ самое ея названіе. Главное его назначеніе — быть примирителемъ и судьей интересовъ обохъ сословій. *Столь высокое призваніе не можетъ быть съ успѣхомъ выполнено ни лицами, которыя, своею прележною общественною дѣятельностью, или вообще своимъ образомъ мыслей, заявили себя пристрастными и исключительными сторонниками интересовъ одного лишь сословія, ни, еще менѣе, обычными искателями штатныхъ мѣстъ, которые въ службѣ преслѣдуютъ только личныя цѣли и собственыя, нерѣдко корыстныя, выгоды.* Въ настоящую великую эпоху, столь-важную для всей будущности нашего отечества, нужно всемѣрно стараться привлечь на отрывающіяся вновь должности людей безпристрастныхъ, образованныхъ и искренно-преданныхъ святому дѣлу, предпринятому всемірно-

ствѣннѣишимъ нашимъ Государемъ. Личныя достоинства новыхъ посредниковъ должны утвердить за ними то высокое значеніе и общее довѣріе, которыя предоставлены имъ верховною законодательною властію. Для успѣха всѣхъ предстоящихъ мѣръ особенно-важно, чтобъ посредники пользовались не одною только властью надъ крестьянами, но и *полнымъ ихъ довѣріемъ*, такъ-какъ крестьяне не всегда будутъ въ состояніи уяснять себѣ изъ самаго закона сущность своихъ правъ и обязанностей, и потому желательно, чтобъ, въ случаѣ сомнѣній, они сами довѣрчиво и добровольно обращались къ посредникамъ, а не искали себѣ постороннихъ, не всегда-благонамѣренныхъ совѣтниковъ. Такія радушія отношенія крестьянъ къ посредникамъ будутъ главнымъ и едва-ли не вѣрнѣишимъ обезпеченіемъ мирнаго исхода дѣла. Въ этихъ видахъ необходимо пригласить въ посредники лишь такихъ лицъ (какъ изъ числа членовъ бывшаго губернскаго комитета, такъ и изъ другихъ мѣстныхъ дворянъ-помѣщиковъ), которыя извѣстны *несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами*. По постояннымъ сношеніямъ съ дворянствомъ начальникамъ губерній, конечно, нетрудно будетъ собрать свѣдѣнія о такихъ лицахъ изъ числа живущихъ въ губерніяхъ; и хотя нѣкоторые изъ весьма-дѣльных и достойныхъ уваженія дворянъ держатъ себя, къ сожалѣнію, вдалекѣ отъ общественной дѣятельности, но нельзя сомнѣваться, что, по приглашенію, они охотно выйдутъ на высокое поприще, нынѣ имъ отгрызаемое. Министерство, съ своей стороны, будетъ по возможности помогать указаніемъ на образованныхъ и вполне-благонадежныхъ лицъ дворянскаго сословія, особенно, изъ служащихъ въ С.-Петербургѣ, которые не всегда могутъ быть лично извѣстны начальникамъ губерній. Въ заключеніе, присовокуплено, что въ настоящемъ случаѣ, при всей спѣшности дѣла, крайняя осторожность и осмотрительность въ выборѣ посредниковъ составляетъ еще болѣе-существенное условіе успѣшнаго выполненія высочайшихъ предначертаній» (Вып. 1. ст. 50).

Совѣтуемъ и журналамъ, которымъ дѣйствительно придется благая мысль быть мировыми посредниками между враждующими братьями своими, вспомнить, что высокая обязанность эта не можетъ быть съ успѣхомъ выполнена *ни лицами, которыя своимъ образомъ мыслей заявили себя пристрастными и исключительными, ни, еще менѣе, тѣми журналистами, которые преслѣдуютъ только личныя, корыстныя выгоды...*

— Куда ни кинь — вездѣ клинъ. Куда ни посмотришь, вездѣ мировые посредники становятся первою необходимостью въ русской жизни.